

СМЫСЛА_НЕТ.KRU

Александр Кузнецов

18+

Александр Кузнецов

Смысла_нет.kru

«Автор»

2025

Кузнецов А. Ю.

Смысла_нет.kru / А. Ю. Кузнецов — «Автор», 2025

О пустоте слов. Человеческое мировоззрение, человеческая логика и человеческое рациональное восприятие мира зиждутся на шатких подмостках слов, которые уже бесконечное количество лет люди пытаются уложить на зыбкую действительность окружающего их мира. Обращаясь к так любимой Вами логике, предлагаю простейший способ убедиться в этом.

© Кузнецов А. Ю., 2025

© Автор, 2025

Александр Кузнецов

Смысла_нет.kru

Смысла_нет.kru

Я умер, вынос тела состоится непременно.
Осенний дождик скажет речь, года пройдут степенно.
И колокольный звон, разлившийся над поймой,
Сорвет повязки с ран, немилосердный, больно.
Глаза пустые черепов посмотрят в небо слепо.
Туманной дымкой горизонт задернет стены склепа.
Вдохнет рассвет в себя любовь чарующий беспечный
И слово жизнь, пугающий синоним слова вечность,
Возникнет, чтобы снова умереть...

Вечером в одну из суббот сентября над городом разразился настоящий осенний дождь. Низкие грязно-серые тучи, казалось, хотели отдать всю накопившуюся в них за лето влагу. Вода была всюду. Она водопадами срывалась с крыш домов, змеилась по тротуарам, пузырилась в лужах. Не было места, где бы не оставила она своего разрушительного действия: некогда желтые стены домов потемнели и покрылись потеками, газоны в неверном свете уличных фонарей манили обманчивым блеском трясины. Дух чуть теплой, тяжелой, размокшей земли, перемешанный хлещущими струями с запахом уже тронутых тленом листьев, присутствовал в этом царстве мрака, влаги и сумеречной тайны, коварно съедавшей силуэты городских строений, пробитые кое-где насквозь одинокими электрическими огоньками человеческого присутствия.

Время кончалось прямо здесь и прямо сейчас. Ощущение это неумолимо накапливалось и росло во всем обозримом пространстве, в пределах всего вмещающего ландшафта. Казалось, что дрожит натянутая, готовая вот-вот лопнуть струна.

Подобное чувство приходит обычно, когда случайно попадешься такому вот крошечному ливню и стоишь где-нибудь в незначительном укрытии, с холодной дрожью впивая мельчайшую дождевую пыль, беспорядочно носящуюся в воздухе, наблюдая падающие с неба и вновь восстающие от земли фонтаны брызг. Телевизионная рябь дождевых струй закрывает сплошной завесой, мокнувший пейзаж, мерный шум дождя не успокаивает. Он задает барабанный сердечный ритм, который пульсирует, наполняет тело, растет. И слышится, как неумолимо бьется где-то в относительном далеко нескончаемый шаманский бубен, переключаясь с торжественным дыханием органа, пением горних ангельских хоров, и перезвоном колоколов, отличных в адском горниле Нижнего мира.

Еще немного, и вот ты уже обретаешь какое-то новое качество, способность различить где-то сбоку, в самом уголке глаз, на пределе разрешимости человеческой природы какое-то неуловимое, объемное и неостановимо грозное движение, прорывающееся ниоткуда, рвущее облакающую реальность тонкую, но неизбывную паутину временной ткани, тянущееся к тебе, чтобы достать. Умение увидеть состоит в том, чтобы знать, как по-особому настраивать на это заложенный природой зачем-то в каждом из нас, так называемый, «Третий глаз».

Набухающие светом и неистово кривляющиеся образы, составляющие это движение, как раз и есть та самая пресловутая временная грань, за которой как иголка в небезызвестном в русских сказах Кошечевом яйце хранится Смерть и Конец Времени. То, что за этой гранью – изотерично и не может быть названо ни в одном существующем мировом языке. Ибо ярлык названия автоматически распространяет границы сущего на называемый объект, вырывая его

из тоскующего безвременного небытия. Там, за этой гранью, притаился иной мир, также реальный для нашего «я», как может быть только реален для мухи ежедневно плетущий свою паутину паук. Девственные дебри, куда еще не добрались бациллы человеческого понимания, да и сам человеческий дух.

Именно в этот мир мы неизбежно уходим раз за разом, сморенные сном, и беспричинно оттуда же возвращаемся, весьма смутно сохраняя обрывки своих сонных воспоминаний, чтобы однажды, когда-то совсем уже потом, все же решиться остаться навсегда в идеальном, живом, но очень, очень, очень уж холодном свете его всежигающего Центрального Светила, вечно пламенеющего сквозь растворяющий контуры Сушего мира Туман Забвения.

Это и есть та самая Обетованная людям земля Кеммер, упоминаемая в доисторических текстах, она же та-Кемет египтян, она же туманный Хейм викингов. Иллюзорный Грааль Мироздания, вместивший луч Идеального Света и однажды расколотый им. Сущее место Предвечных Болот с их девятью Кругами Неизбежных Воплощений, Геенны Гнева с ее клубящимися Огненными Облаками и Демонами разрушителями, один из которых известен нам из каббалистических текстов как Аббадон, а также Деревя Жизни, свивающегося кольцами на краю Ойкумены и опыляемого трудолюбивыми Пчелами Изгарда, так называемого друидами, Иггд-расиля, увешанного плодами познания Добра и Зла, а также человеческого Бессмертия.

В этой земле все еще сияют своим Неопалимым Светом непостижимые Вершины Обитателей Крылатых Творцов, смотрящих на нас свысока с бессильной нежностью Любви, разливаётся Покой Лунной дороги и, как это заповедано, идет нескончаемый Дождь всех Времен, бездумно и щедро дарящий жизнь несмышленным, несмелым ручейкам, что, невзначай как бы вбирая его капли, полнятся надеждою, азартным хулиганским восторгом, делают первые самостоятельные шаги, а, потом набрав силу, абсолютно безумно, бесшабашно и бесстрашно пробиваются среди незнакомых шероховатостей почвы, вымывая из нее разную дрянь, и пенясь, иногда сплетаясь друг с другом, а иногда расходясь, впадают в мутные, беспринципно поддерживающие свой метаболизм лужи, или все-таки, как это чаще бывает, бесследно исчезают в ненасытной пасти тоскующей Бездны Беспредельного Пространства. Той Бездны, что хранит Безмолвие Вод, разделяющих Небо и пустую, безликую Землю, где одиноко и вечно в течение Семи Отведенных ему Провидением Дней витает до сих пор Неназванный Дух.

В этом Мире нет перемен, но только там неисповеданная Богом душа еще может хоть что-нибудь и хоть как-нибудь изменить. Жизнь дождевых струй определяется переплетением Вмещающих их Времен. Каждая Капля несет в себе эту Печать. Причина и цель существующего движения неясна, Слова здесь неизбежно обращаются в Тлен. А Дождь все идет...

Печать

Самолет словно большой жирный жук уверенно планировал над самыми верхушками сосен, заходя на посадку. Густой натужно басовитый звук его турбин плотно накрывал лежащий под крыльями ландшафт. Солнечный свет, пробиваясь сквозь полупрозрачные кроны сосен, окрашивался, отражаясь от их песчаного цвета стволов, во всевозможные оттенки золотого. Белые облака беззаботно нежились в лазурной синеве. Жарковато и ни единого дуновения ветерка. Шум быстро утих, как только самолет скрылся из виду, но не прошло и двух минут, как на посадочную глиссаду зашел следующий, такой же надутый и уверенный в себе. Пустая аккуратная асфальтовая дорога, исчезавшая меж стволов деревьев, ни справа, ни слева не обещала появления хоть какого-то транспортного средства.

«Похоже, завис я тут», – констатировал Андрей вслух, но как-то даже и равнодушно, – «Ну вот и, слава Богу».

Возвращаться в город, в душное рабочее помещение, к надоевшей до отвращения писанине на основной работе, да даже и на созданном собственноручно из неясных еще побуж-

дений сайте с претенциозным названием «MATERIALIZATOR» совершенно не хотелось. Он и вызвался в местную командировку по инспектированию станции трассового наблюдения, чтобы хоть на какое-то время сбежать от всей этой затягивающей в трясины серых будней рутины. Хотя истинной причиной случившегося сегодня бегства от действительности явилось, скорее всего, нелепое сообщение, полученное им утром с несуществующего в сети адреса: eternity@angel.ohm.

Когда мы превращаем свою жизнь в суетливый калейдоскоп рабочих будней, а одни и те же, и даже не свои, проблемы весь день с утра до вечера передают следующим за ними проблемам свою суматошную эстафетную палочку, неожиданный сбой в этой служебной программе нашего бытия очень даже приятен. Мир вдруг наполняется ничего не обещающим смыслом, но при этом невиданными ранее красками, как в беспечном детстве, и плевать нам становится глубоко и искренно, в чем именно смысл тот заключается.

Басовито гудя, как самолет, мимо по каким-то своим делам пролетел шмель. Вспомнился Андрею вдруг плакат, висевший в актовом зале у них в институте на кафедре аэродинамики. На плакате том изображен был такой же вот деловитый шмель, а надпись внизу плаката, сделанная от руки каким-то юным остряком гласила: «С точки зрения аэродинамики шмель летать не может, только об этом ему никто не сказал».

Андрей как птица в планирующем полете раскинул в стороны руки и с удовольствием вдохнул полной грудью лесной хвойный дух, закрыв глаза. Хорошо-то как.

Неожиданное шуршание тормозящих на асфальтовой крошке шин заставило его испуганно отшатнуться на обочину. Чтоб не упасть, даже рукою за землю схватился, коснувшись пальцами мокрой, вялой, прошлогодней хвои.

Красная машинка, за рулем блондинка. Здрасьте вам, пожалуйста!

«Вас подвезти? Автобусы у нас здесь не ходят», – ух, глазищи то у нее какие, смерть мужикам, да и голос, как у сирены, завораживающий. Ну, вот и искра нежданная пробежала, гляди ты. Женщина в форме, или просто одетая строго, всегда будит в мужчине робкого, вождедеющего заслуженного наказания (а кто из мужиков этого не знает) подростка.

«Мадемуазель, это было бы величайшим одолжением с вашей стороны», – вечно неутомимый игривый бесенок немедленно оборвал Андрею, воцарившуюся было в его душе идиллию воссоединения с природой, и нагло занял место в суфлерской будке, дислоцированной где-то глубоко в подсознании:

«Мне до аэропорта».

Вот почему у них, девчонок, в машинах переднее правое кресло всегда почти упирается в приборную доску? Садясь, все время коленками под дых себе даешь. С другой стороны – это хорошо, значит, нет у нее постоянного пассажира мужского пола на этом месте. Хотя может быть, что ребенка сзади возит.

«Отодвину», – не то вопросительно, не то утвердительно сказал Андрей, нашаривая снизу рычаг регулировки кресла, и поудобней устраиваясь в нем.

Блондинка утвердительно кивнула:

«Меня, кстати Ольга зовут, детей нет, это подруга у меня мелкая».

«Андрей, очень приятно», – несколько ошарашено сказал парень, сраженный железной женской пронизательностью. Странно, конечно, что вообще подвезти вызвалась, по нынешним временам небезопасно ведь это. Один на один с незнакомым мужчиной в глухом лесу. Хотя...

Вспомнился почему-то еще один плакат. Тоже из институтского бытия, но вывешенный уже не в актовом зале, а в столовой. Надписей на том плакате никаких не было. Была на нем изображена серпантинном извивающаяся горная тропа. Из левого нижнего ее начала, якобы не виден был правый верхний ее конец. В начале тропы стояли классические советские туристы, с рюкзаками, котелками и ледорубами, голодными глазами вождеделенно смотрящие на указатель. На указателе нарисована была тарелка с дымящейся поджаренной, покрытой хрустящей

корочкой ножкой (то ли свиной, то ли говяжьей, то ли еще какой) и жирненькая такая, наглая стрелка под ней. Стрелка показывала вправо вверх. Мол, там еда. А в верхнем правом углу, за поворотом тропинки была нарисована пещера людоеда. Вокруг нее в живописном беспорядке валялись черепа, кости и туристическая амуниция. Горел костер, над которым болтался котел с варевом. Сам людоед сидел тут же и с удовольствием вкушал кусок мяса, с торчащей из него костью, точь-в-точь как на указателе. Мораль такая: кушать то тут, кушают, но есть один нюанс.

Так что вот неизвестно кому еще бояться здесь надо, один на один с незнакомой женщиной в глухом лесу.

Бывают такие случайные встречи, после которых ты понимаешь, что случайностей не бывает, все в этом мире предопределено, а пресловутая свобода воли есть просто данная нам в ощущение иллюзия. Машинка бодро петляла по лесу, следуя извилам дороги, а на Андрея накатила какой-то ступор, этакая эйфория. Способствовали тому не то перемежающийся танец света и тени за окном, не то магическая аура трепещущих на рвущемся в форточку ветерке белых волос, не то тонкий аромат духов, ну может и не духов вовсе, а чего-то более обещающего, интимного, что ли. Господи, да чего же я молчу то.

«Вы случайно не в аэропорту работаете?» – хрипло вымолвил Андрей и отчаянно откашлялся.

Ольга снисходительно улыбнулась.

«Да, в основном обеспечиваю безопасность полетов».

«Да так у вас инженерное образование!» – обрадовался Андрей, почувствовав возможные общие корни, а, следовательно, и наличие темы для разговора.

«Скорее психологическое», – парировала девушка.

Вот, блин, мимо. Ну, ты же психолог, помогай. Общение мужчины и женщины это ведь всегда есть просто пинг-понг: шарик налево, шарик направо. Ну, солнце мое, шарик подай. Пжлст.

«А вы, пожалуй, инженер-физик», – произнесла вдруг со знанием дела Ольга, безошибочно угадав и пожелание Андрея, и его институтскую специальность. Насладившись произведенным эффектом, она продолжила:

«Могли бы вы, Андрей, ответить мне на один давно волнующий меня вопрос? Мне всегда было очень интересно узнать, почему эти Ваши самолеты все-таки летают. С физической точки зрения».

Ну, уж дудки, подумалось Андрею. Тридцатиминутная скучная лекция о физических принципах аэродинамики в качестве оплаты за доставку? Ша, мы симпровизируем что-нибудь более интересное. Где там этот бесенок – суфлер? Была же у меня тут одна заготовка:

«Знаете, Оля, с физической точки зрения полеты людей на устройствах тяжелее вытесняемого ими воздуха невозможны. Это все колдовство».

У Ольги поднялись вверх красиво нарисованные брови.

«Как физик вам говорю», – для убедительности Андрей часто и даже очень утвердительно закивал головой, при этом уточняя:

«Полеты людей на таких устройствах, и, правда, технически невозможны. Есть правило планирования для полета птиц. На один фунт веса один квадратный фут площади крыльев. Это примерно четыре с половиной килограмма на один квадратный метр крыла. Честь этого открытия принадлежит российскому адмиралу Соковнину, который, во время турецко-египетской войны 1841 года истребил, охотясь на туретчине, несметное число разного рода птиц для того, чтобы установить это соотношение. Ну, или соотношение установил, чтоб оправдать свою страсть к охоте. Не в том суть. Мне бы вот, чтоб летать, потребовались крылья примерно десять квадратных метров каждое. Вряд ли я бы ими даже взмахнуть смог. Прошу отметить,

что самолеты явно не подчиняются этому правилу. У того же 747 Боинга на один квадратный метр крыла приходится», – Андрей сверился по телефону с интернетом:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.